

Сеньке шапка! Схватят тебя, дурака, задолго до того, как ты свои полтора миллиона по-старому соберешь! И получится у тебя в месяц не по тысяче, как у этого, а по копеечке! Тоже мне, бизнесмен отыскался! Видали такого?

Гарику разговор надоел. Слова отца оскорбляли его — приятно разве, когда тебе вот так, прямо в лицо, говорят, что ты не больно-то умен и рассчитывать на какие-либо премудрости тебе нечего.

Ну да ладно, пусть папаня поет свои стариковские проповеди, пусть говорит, что хочет. Сделает-то Гарик все равно по-своему. Тем более есть на что опереться: там, в колонии, от одного «цеховика» он получил надежный адресок. Дело выгодное, денежное — хоть по-старому считай, хоть по-новому. И хорошо даже, что это далеко, в Умани. Неприметный консервный заводик. Кто догадается туда нос совать, проверять что-то, вишни да сливы пересчитывать. А пока кому и придет такая мысль в голову, уже успеешь разбогатеть и смыться.

Без особых подробностей рассказал отцу о своих намерениях уехать на юг, там попробовать свои силы, начать новую жизнь: авось выпадет счастье.

— Я, папань, незаметным-неприметным буду — обо мне никто и не подумает... А как накоплю, может, вернусь, заживу богато и честно.

— Зачем тебе туда? — с беспокойством спросил отец. — Совсем пропасть захотел? Кто у тебя там, ведь никого не знаешь, ни единой знакомой души! Смотри! Ох смотри, нарвешься ты! Не с твоим умом и характером лезть в такие дела! Чует мое сердце — неладное ты, Гарька, затеял. Они-то вывернутся, а тебя, дурака, как пить дать, подставят! Живи ты, как другие. Ну чем ты особенный-то! Тыщи ему подавай! Миллионы по-старому! Я тебя предупредил, не пороть же дурака великовозрастного!

...Адресок привел Гарика Погребинского к Василию Васильевичу Карачаеву, главбуху небольшого консервного завода под Уманью.

Карачаев удивил Гарика. Вовсе не таким представлялся он Погребинскому. В маленьком темном кабинете он горой возвышался над письменным столиком — седая грива волос, крупные черты лица, сердито сдвинутые брови. Боязно и подступиться. Окинув внимательным взглядом округлую фигурку Гарика, Карачаев уверенным голосом спросил:

— Оттуда?

Василий утвердительно кивнул, назвал пароль, затем рекомендателя.

— Хм! — откашлялся главбух. — Не пойму, зачем в такую даль забираться? Ближе, что ли, нет работы? Нынче ведь везде рабочие нужны, а, что молчишь? — Он лукаво-выжидающе посмотрел на Погребинского. — Да, кстати, как там общий знакомый?

Поначалу Гарiku было как-то не по себе, неуютно, но потихоньку тон Карачаева стал смягчать, разговор заладил. Главбух, казалось, поверил новичку. Правда, дистанции не сократил — давал понять, что Гарик перед ним салага, мелочь.

Для того чтобы зарекомендовать себя, показать в деле, надо было пройти весь производственный цикл. Погребинского поставили на конвейер: сначала он закручивал крышки на банках, затем перешел на заливку. Через несколько месяцев его перевели в цех, где готовили специи, соленья, маринады. Работа была не из легких, да и конечно уж не из интересных. Но Гарик терпел. «Ничего, — уговаривал он себя, — должен же быть просвет. Я ведь не какой-нибудь там, я по рекомендации. Скоро пригласят в дело, скоро...»

И действительно, долго ждать не пришлось: Карачаев вызвал его к себе и объявил, что ставит на самый

ответственный участок — на заготовку, снабжение завода сырьем.

Пару недель Погребинского вводил в курс дела старый снабженец, затем, почувств приближение настоящего дела, Гарик с удовольствием принялся за новую работу. Он был подвижен, энергичен, умел быстро сходитьсь с людьми, шутками-прибаутками располагать к себе. В отношениях с людьми, будь то товарищи по работе, соседи или приятели, старался не углубляться. Вернее, не старался, нет — так получалось само собой — отношения как бы скользили по поверхности, большего Гарику и не нужно было.

Дела шли успешно. Погребинский справлялся с заготовками отлично. Его начали хвалить, ставить в пример, а вскоре продвинули еще на ступень.

— Понял, Игорь, — спросил его однажды Карачаев, — где основное звено нашего производства? Главное — это сырье! Если произойдет задержка — план летит к чертям. А план, дорогуша, как известно, — закон всякого производства. Если мы будем иметь исходную продукцию, сможем сделать два, даже три плана! И хорошо заработать! Так вот, снабженец, доверяю тебе главное: поедешь по тем адресам, что я дам, сырье в колхозах получить за наличные. И запомни, парень: что бы ни случилось, кто бы тебя ни спрашивал — пусть даже в милицию потащат, — говори, что ничего не знаешь, не ведаешь. Вопросы есть? Гарик сообразил, что двери, ведущие к заветному, приоткрылись.

— А что я буду иметь за свой риск? — осмелел он.

— Коммерческую жилку в людях я уважаю, — благосклонно ответил Карачаев. — Это люди со стержнем, а на стержне пружина! — Он попробовал улыбнуться, но вместо улыбки проглянул оскал. — Не люблю, когда забегают вперед. Всему свой час.

А пока хочу предупредить: с наличными будь осто-

рожен. Не дай бог, копейку присвоить или хотя бы обронить! Не дай бог, повторяю! Это все равно, что голой рукой схватить провод под напряжением в тысячи вольт! Сразу обуглишься живьем...

Минуло три недели с той поры, как Погребинский начал разъезжать за «исходной продукцией» по нарядам и без нарядов. В конце месяца получил зарплату и премиальные — сто двадцать рублей. Плюс вознаграждение в конверте от Карачаева — сотня! Всего-то! Гарику стало по-настоящему обидно: за дурака держат, что ли? Сколько же можно за нос водить? Ведь и рекомендация есть, и бывалый он, в отсидке был, и проверки прошел... Нет, хватит предварилки, пора по-настоящему выступать... Тут и зародилась у Погребинского мысль, что надо бы самому стать хозяином дела, а не пребывать на этом свете мелочью.

Как-то Карачаев зазвал Гарика на озеро, в рыбачий домик, половить, отведать свежей ухи, поболтать о том о сем. Гарик вошел в дом и обомлел — как в кино: полы устланы коврами, шикарный столовый гарнитур с инкрустациями, сервант, горка... Посуда — загляденье, сервизы один другого краше. В каждой комнате по цветному телевизору, стереофоническая система.

— Батюшки, вот это да! — вырвалось у Гарика.

— Нужных людей здесь ублажаем! — коротко пояснил Карачаев.

На столе янтарная уха, стынут в ведерках со льдом бутылки.

— Сегодня твое посвящение в настоящие мужики, Игорь!

Выпили, закусили. Гарик притих. Карачаев налил по третьей стопке, отодвинул бутылку, стопку прикрыл ладонью.

— Прервемся ненадолго. Поговорим. Переходишь ты, дорогой коллега, в новую фазу. Допускаешься к реализации. Тут от тебя секретов больше не будет! Но и ты... прежде подумай! Сегодня еще не поздно от нас уйти: свободно отпустим на все четыре стороны, а уж коль войдешь в реализацию — это все равно, что белке в колесо прыгнуть. Прыгнула, голуба, колесо за-вертелось, и вертеться ей, пока мы колесо не остановим. Выпрыгнуть не дадим! Кое о чем ты догадываешься, но догадка на врату не виснет. А тут — пойдешь прыгать меж волчьих ям. Или «да», или сразу «нет» говори! Раз «да» — с нами навек, а если уж «нет», тогда выпьем, повеселимся и навсегда забудем друг друга.

— Я попробую! — осторожно ответил Погребинский.

— Пробовать не дадим. Не те мы ребята. Или идешь, или нет! Как у Гамлета!.. — Карачаев, довольный своим остроумием, хохотнул.

— Ну, а что полагается, если меж волчьих ям начну кувыряться?

— Шутник! Там надо прыжками да поступью неслышной. О деньгах забудешь, не будет вопроса о деньгах! Деньги получать станешь серьезные!

— Пойду!

— А готов?

— За деньги? Готов!

Карачаев усмехнулся. Поджал тонкие губы:

— Любишь деньги?

— А кто их не любит?

— Э-э-э! — отмахнулся главбух. — Пустое! Надо их любить не так, как каждый! Деньги! — выдохнул он, понизив голос. — Деньги! — повторил он по-другому, возвышая голос. — Деньги надо любить больше отца и матери, больше детей, больше света белого, больше свободы, больше жизни надо их любить. Из тебя будут

кровь выпускать по капле и за каждую каплю требовать деньги, ты кровь отдай, а деньги, если их любишь, оставь! Вот как надо любить деньги!

Погребинский даже испугался, с какой страстью произносил свое слово о деньгах этот толстый, с виду как будто бы добродушный человек. Лицо его изменилось: глаза горели, на щеках проступил румянец, лоб заблестел.

— Выпьем!

Выпили по стопке. Закусили. Погребинский хмелел медленно. Карачаев толк в вине знал, выпить умел.

— Готов? — переспросил он. — Ну, смотри! У нас закон такой: если ты попадешься, мы все будем за тебя драться. Если не выкупим — поможем в заключении, вернешься — тебе и стол и дом. Но если выдашь кого-нибудь, найдем под землей. Попомни! Под землей найдем, могилку разроем и закопаем!..

Погребинский занялся реализацией неучтенной продукции. Производство консервного завода шло параллельно делу, или, наоборот, «дело» шло параллельно производству. «Компания» скупала продукцию, сырье для консервного производства за наличный расчет везде, где только можно: в колхозах, совхозах, у частных лиц, иногда и в магазинах.

В самом приобретении продуктов за наличный расчет состава преступления не было — завод имел право закупать сырье. Преступные действия начинались, и это очень хорошо усвоил Погребинский, когда за сырье выплачивались деньги из собственного кармана Карачаева. Возникал не обложенный государственным налогом подпольный товарооборот. Следующая ступень углубляла противоречия с Уголовным кодексом, открывалось «второе действие» частного предпринимательства. Здесь обходили не только налог на товарооборот,

но и использовали государственное оборудование в целях личной наживы. Сырье, скупленное на средства карачаевской компании, сваливалось в один котел с сырьем, приобретенным на государственные средства, и в обработанном виде поступало в цеха. Никто не мог установить, в какую баночку заливался компот из фруктов, оплаченных государством, а в какую — из кармана карачаевцев.

Дальше — больше. Завод имел план выпуска продукции. Под этот план государственные организации снабжали завод стеклотарой, металлическими банками. Имея прочные связи с поставщиками тары, карачаевцы получали за взятки внеплановую посуду, вызывая недостаток в снабжении других заводов. За выпуск неплановой и неучтенной продукции некоторым рабочим платил наличными сам Карачаев. За два-три дня «вкатывания» на карачаевцев рабочий получал больше месячного заработка, и основная работа превращалась лишь в прикрытие левого заработка.

Следующий этап — реализация неучтенной продукции — втягивал в преступный круг новых лиц. Заводская продукция сдавалась для реализации на торговые базы или (на договорных началах) прямо в магазины. Вместе с плановой без накладных, с теми же этикетками сдавалась и неучтенная продукция. Таким образом в карачаевском беличьем колесе крутились директора магазинов, продавцы, кассиры.

Карачаев всерьез готовил помощника, раскрывая ему один за другим секреты «бизнеса». Погребинский не сразу понял, какими деньгами ворочал Карачаев, а когда произвел несколько приблизительных расчетов — испугался. Посоветоваться бы с юристом, да кому доверишься! Сам перечитал Уголовный кодекс. Выглядело все чрезвычайно тревожно, но теперь уже выйти

из дела было невозможно. Гарик как-то замкнулся и притих. Ему хотелось спрятаться, провалиться сквозь землю — так стало страшно. Опасность встала перед ним воочию, в полный рост только после того, как он понял масштабы проделываемых им и его покровителями операций. «Боже мой, какой я дурак,— казнил Гарик,— влип, влип... Если что, ведь я им — чужак. Да нет, зачем же меня подставлять — я ведь выдать могу, проболтаться... Так что если что — путь один: сами же дружки и пришьют. Небось не пожалеют. Такие не пожалеют...»

География реализации продукции была широкой. Пришлось Погребинскому поездить. В Ленинграде из десятка магазинов только три брали такой товар. Директор одного из них, Владимир Владимирович Бегун, хватал неучтенную продукцию в любых количествах и реализовывал ее почти мгновенно. Однажды он пригласил Погребинского провести вечерок в дружеской компании.

Подпольной роскоши Гарик уже не удивлялся. Этот провинциальный налет с него сошел. И не такое можно соорудить на шальные деньги. В собравшихся он сразу угадал дельцов. На них как бы была печать. Люди избалованные, пресыщенные развлекались вяло и хмуро. Изобилие на столе было как бы самоцелью. О делах ни слова — разговор крутился вокруг одной темы: где, когда и с кем «хорошо посидели», сколько выпито, кто охмелел, кто оказался крепким мужиком...

В этом обществе Погребинский и познакомился с Дианой.

На этот раз бизнесмены собрались провести вечер не с «девочками», а с женами. Диана пришла одна, без мужа. Все меж собой знакомы, все как будто друзья-товарищи, но Гарик научился улавливать, когда люди разъединены. Денег, надо полагать, всем дамам на туалеты доставало, каждая постаралась не ударить

лицом в грязь. Серьги, броши, браслеты, кольца, ожерелья — полный ювелирный набор! И как полагается, никаких искусственно выращенных жемчугов, никаких фианитов — все только натуральное. В этом обществе так полагается.

Диана выделялась не стоимостью развешанных бриллиантов. Она была хороша сама по себе: стройная, буквально точеная. Огромные выразительные зелено-кошачьи глаза, копна жестких волос цвета античного золота. В длинных пальцах зажата сигарета (не какая-нибудь «Столичная», уловил Гарик, «Астор»!).

Гарик сел рядом с ней, начал сыпать остротами.

— Откуда вы, дитя диких степей? — покосилась на него Диана.

— Из Умани!

— Я не об этом спрашиваю! — поправила она с усмешкой. — Где вы воспитывались?

— Там, где меня уже нет!

Тонкие бровки поползли вверх.

— У вас уже опыт? Вы ветеран?

Погребинский и не думал намекать на свое прошлое, но ее догадка поразила. Он присмирел, сник, веселости как не бывало...

Диана Гарика поразила. Ее красота казалась сверхъестественной, кружила голову. Для таких унылых сборищ он слишком молод — ему бы потанцевать, пообнимать партнершу. Он вновь попытался затеять разговор с Дианой, но не смог найти подходящей темы. Его суетливые старания были замечены, не обошлось без подтрунивания и безобидных шуток. Когда все вышли из-за стола, Бегун перехватил его и отвел в сторонку.

— Решил дамочку закадрить? — спросил он. — Напрасны старания! Будь с ней осторожен! Таких карасей, как ты, она с хвоста глотает! Способна любое

состояние проглотить! Муженек ее скоро без подштанников останется! Кстати, ее настоящее имя довольно прозаично — Дарья. Но я тебе ничего не говорил.

Гарику стало вовсе не по себе: «Ну и черт с ним! Какое у меня состояние? Проглотит! С хвоста! Карась! Я жизнью рискую, а он меня карасем...»

— Тоска! — неожиданно вмешалась в его размышления Диана. — Уходить пора! Вы проводите?

«Господи, до чего же она прелесть», — не веря собственным ушам, подумал Гарик.

Вышли на улицу. Неподалеку стояли Дианины «Жигули». Она взглянула на часы, улыбнулась:

— Домой рановато...

— А если не домой? — обрывающимся от надежды голосом спросил Погребинский.

— А если не домой, то поедem к настоящим людям.

Пока машина пробиралась темными улочками, Гарик, улучив подходящий момент, положил руку на колено Дианы. Бурного протеста или возмущения не последовало. Она спокойно отвела его руку и как отрубилa:

— Не по Сеньке шапка, не по голове колпак!

И такая сила прозвучала в ее голосе, что Гарик сразу и окончательно понял: здесь ему надеяться не на что.

«Настоящие люди» оказались моложе друзей Бегуна и веселее. Музыка, видео, вольное дружеское обращение и разговоры уже не о том, кто, где и сколько выпил или что купил, а об эстрадных звездах, киноактерах и киноактрисах, достоинствах зарубежных фильмов, машин, о современной живописи и древних иконах.

В комнатах просторно, три небольших столика: вино, фрукты, бутерброды. Подходи, наливай и садись. Стульев раз, два... Садись на пол, на пушистый палас. Никто не стесняется отсутствия денег, здесь это не считается